

Гусь во главе стола
или проспать

Н
о
в
ы
й
Г
о
д

Инна Пастушка

16+

Инна Пастушка

Гусь во главе стола, или Проспать Новый Год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48775133

SelfPub; 2020

Аннотация

Её бросили! Как оказалось – совсем неприспособленную к жизни, да ещё с шестилетней дочерью! И когда не остаётся надежды, съедает депрессия и просто не хочется жить... – всё уладить берётся её шестилетняя Манюня – маленькая, бойкая, находчивая авантюристка! Так быть ли сказке в Новогоднюю ночь...??? В оформлении обложки использована иллюстрация с сайта pixabay.

Сокращение по всем фронтам

Эффектная блондинка в облегающем белом халатике заполнила карту больного и в сердцах откинула её в сторону, раздосадованная внезапно возникшим шумом в коридоре. Что там уже случилось? Этим пациентам вечно что-то не так! По долетевшим в кабинет голосам, она поняла, что те уже поймали нарушителя:

– Куда без очереди?! Женщина, какой у вас талон? Ага, мы здесь с самого утра торчим, а она только пришла и уже...

Вдруг резко открылась дверь и в кабинет буквально влетела женщина. С трудом отбившись от других пациентов, та шумно захлопнула дверь, на всякий пожарный подперев её спиной. В распахнутом пальто, с беспорядочно выбивающимися из-под капюшона русыми, с лёгким пшеничным оттенком волосами, она отдыхивалась, воззрившись на терапевта широко открытыми серыми глазами.

Голоса за дверью стихли. Женщина немного переждала, и когда поняла, что опасность миновала, она, приблизившись к столу, за которым сидела терапевт, вдруг выпалила:

– Мне нужна справка!

Врач даже приподнялась со стула:

– Да что вы говорите?! А бесплатную путёвку в Геленджик вы случайно не хотите?!

В ответ сероглазая пациентка улыбнулась:

– Здрасьте! Не узнала?!

Та присмотрелась к ней. Постепенно её настороженный взгляд потеплел, и она издала радостный вопль:

– Нинка...? Нинка! Неужели ты?! Сколько зим – сколько лет?! Ну, давай, подруга, садись, садись, рассказывай, как живёшь-то?

Но Нина, скованная своими личными обстоятельствами, продолжала топтаться на месте:

– Может в следующий раз, а? А то я с работы сбежала, буквально на десять минут.

– А что случилось? – попыталась войти в её положение подруга-терапевт.

– Да там... – не зная, как правильной объяснить, заелозила рукой по столу Нина. – Короче, сокращение у нас. Я слышала, кто на больничном, того не трогают. Не имеют права!

Терапевт с осторожной улыбкой, остерегаясь невзначай обидеть подругу, спросила:

– А точно не трогают? А то знаешь...

– Точно, точно! – Убедительно затарахтела Нина. – Я подслушала, как секретарша с Дмитриевной в сговор вступили и обе за справками помчались.

– А Дмитриевна – это твой начальник?

– Нет, она у нас в архитектурном главная сплетница! – почему с гордостью сообщила она. И громыхнула по столу шоколадкой, которую приготовила в виде презента. Потом облегчённо выдохнула, хоть шоколадка и раскололась на несколько частей.

Терапевт выписала ей справку, жеманно потянувшись за шоколадкой и, заметив, что та раскололась, сочувственно улыбнулась:

– Как хоть твои дела? Как Манюня?

– О, Манюня большущая стала! В детский сад ходит. Не согласишься, уже читает.

Подруга оглядела её изучающим, ироничным взглядом:

– Ну, а твой как? Всё так тебя и воспитывает? Или уже воспитал?

– А что мой?! – огрызнулась Нина.

– Ой, жалко мне тебя Нинка, – откусывая шоколадку, подытожила подруга. – Я бы с таким тираном и дня не жила. Ну, признайся, боишься ведь его?

– С чего ты взяла?! Ничего я его не боюсь. Человек – не зверь ведь. – Поглядывая на выход, отбивалась от нападков бывшей одноклассницы Нина.

– Ладно, беги, беги! А то вон уже на месте танцуешь, – отпустила её великодушно подруга.

– Ага, побегу! – Обрадовалась Нина. – А то скоро перерыв закончится. – И на прощание помахала справкой: – Теперь мы повоюем! Теперь они не имеют права!

После визита бывшей одноклассницы остался лёгкий шлейф грусти, но, одновременно с этим, настроение девушки поднялось выше неба. «Ничего так не радуется, как неудача подружек» – она взглянула на себя в зеркальце, видя там разительный контраст с внешностью подруги. И провожая её

из окна долгим взглядом, пустилась в философию: «Как бы там ни было, сама виновата – кто заставлял эту идиотку за такого самодура замуж выходить, ещё и ребёнка от него рожать? А какие надежды в школе подавала! Да уж, кто-то в замужестве хорошеет, а кто-то совсем обабивается».

Она томно вздохнула и крикнула в чуть приоткрытую дверь:

– Следующий!

Возле ворот виллы управляющий поджидал запаздывающее такси. Зима была в самом разгаре, хоть снега в этом году ещё и не видывали. Но холод давал о себе знать. Управляющий, обутый в домашние туфли, потопал ногами, жалея, что не надел сапоги. Наконец, подъехало такси и оттуда вышла девушка. Небрежно хлопнув дверцей, она манерно откинула назад волосы, направляясь к воротам.

– Ну, чего смотришь? Заплати! – распорядилась она, поравнявшись с управляющим.

Тот, не имея привычки спорить, подошёл к машине, протягивая таксисту деньги.

– Быстрее можно?! – поторопила его девушка.

– Так открыто ведь... Заходите, Марина, – отозвался тот.

– Да уж, подожду... Не хозяйка пока ещё!

– И то правда! – про себя буркнул управляющий.

Таксист пересчитал деньги, и, раздражаясь, протянул их обратно:

– Это что...?! Слушай, дураков нет – плати, как положено!

– Тариф поднялся что ли? Всегда столько платили. – Сколько там от Петровки к нам пути-то? – развёл руками управляющий.

– Какой Петровки? – не на шутку разгневался таксист, прибивая управляющего колючим, кареглазым взглядом. – Я её от гостиницы вёз, что на Кольцевой!

Марина подбежала к машине, оттеснила управляющего, шикнув:

– Идите, я сама заплачу. – Она сунула таксисту деньги, ядовито процедив тому в лицо: – Язык, как помело!

Нина готовила ужин, то и дело отгоняя Манюню от открытого настежь окна. Раскрасневшаяся, в простом цветастом фартуке, она суетливо переворачивала котлеты, поглядывая на часы и отмахиваясь фартуком.

– Манюня, отойди – продует! – в который раз прикрикнула она.

– Ну, мам, я же папу выглядываю. Вдруг я его пропущу?!

Нине ничего не оставалось, как отставить дочь в сторону силой. И, выгоняя полотенцем жар, она, заодно, остудила и запал дочери:

– Подумаешь, папу она выглядывает. Никуда не денется твой папа, явится, как миленький. Пару деньков добряком побудет, а потом... – она махнула рукой, – ... всё, как обычно.

– А что, как обычно? – подхватила любознательная Манюня.

– Ну... – пожала плечами Нина. – Как обычно – приветливое лицо, добрые глаза. А, чуть не забыла – ещё подарки...! Много подарков – дочери, жене. Он же из командировки всё-таки.

Манюня округлила большие, такие же, как и у матери, серые глаза:

– Так это ты не про нашего папу рассказываешь...

Погрустневшая Нина с любовью прижала к себе Манюню:

– Ты мой родненький, будут у тебя подарки, всё у тебя будет... – не понимая, что творит, пообещала она.

– Когда? Сегодня?! – тут же не упустила свой шанс Манюня.

Нина, придав лицу шутливый вид, щёлкнула дочь пальцем по кончику носа:

– Ну, ты что, зачем сегодня? На Новый Год, конечно!

– Ааа... аж на Новый Год... – разочаровано пропела девочка. – А ко мне Дед Мороз придёт?

Нина взмахнула руками, побежала к котлетам, сняла последние и переложила в кастрюльку к остальным, плотно накрыв крышкой. Помыла сковороду, притушила огонь на второй конфорке, где варилась картошка. Подошла к окну, задумчиво присматриваясь к силуэтам людей за окном. Но Манюня была не из тех, кто забывал.

– Мамочка, я спрашиваю, ко мне Дед Мороз придёт? –

вернула она Нину к их оборвавшемуся разговору.

– Когда, сегодня...?! – забыв, о чём они говорили, спросила мать.

– Ну, ты что, зачем сегодня? На Новый Год, конечно! – потянулась она к матери и щёлкнула ту по кончику носа. – Да, письмо я ему уже отправила! Ой, поверить не могу, всего несколько недель и у меня ноутбук!

Нина выпучила глаза:

– Ноутбук?!

Видя смятение матери, Манюня посмотрела на неё своим не подражающим, невинным взглядом:

– Ну, это же дедушка Мороз! Он любой подарок потянет!

В купе поезда женщина чуть полноватой комплекции, в дорогой, но безвкусно-кричащей одежде, с ярким макияжем, сидя на своей нижней полке, взволновано смотрела в окно. По мере приближения поезда к станции, всё отчётливей ощущалось её волнение:

– Всё будет хорошо, котик. Ты только не волнуйся, ты только не волнуйся... – успокаивала она мужчину, невозмутимо укладывающего вещи в чемодан. Пытаясь унять дыхание, она энергично грохотала пальцами по столу, расплескивая из пластиковых стаканов налитое до отказа шампанское. – Ты главное не волнуйся! И вообще, давай...! – Она вскочила и подала ему стакан с шампанским. Они чокнулись, и она с надеждой не то утвердила, не то спросила: –

Как-никак, новая жизнь начинается... Правда, Коленька?

Резкий толчок поезда известил об остановке. Шампанское из стакана выплеснулось в лицо женщине, подтверждая начало новой жизни.

Болтая по телефону, Марина скидывала с себя одежду, любуюсь собственным телом. Обнажённая вошла в воду, уютно устроившись в джакузи, занимающей добрую часть огромной ванной комнаты в коричнево-золотых тонах. Нежничая, она получала удовольствие от гидромассажных струй.

– Фантастично! – передавала она собеседнику свои ощущения. И, переходя к цели разговора, поделилась: – Вот уж, чего не ожидала – это твоего звонка. Давно не виделись. – И тут же, получив приглашение на свидание, сделала вид, что колеблется: – А надо? Точно? Ну... сейчас я не могу. Да, занята – важным делом – личную жизнь устраиваю. Твоя же устроена... – Но предложение было столь заманчивым, что она на всякий случай выяснила время и место: – Когда? Завтра? Где? Где-где...? – Услышав, что давнишний приятель назначает свидание в том же отеле, где она чуть не погорела, по вине болтливового таксиста, она раскритиковала его выбор: – Не оригинально! – Но, всё же, уступив, попросила об одной мелочи: – Только не звони мне, я сама позвоню. – И, отключив телефон, положила его на бортик джакузи. – Да уж... то пусто, то густо. – И, чувствуя себя королевой, нырнула в булькающую воду.

В кабинете горел свет. В декабре шестой час вечера был сродни ночи. За столом в дорогом кожаном кресле, под стать остальной шикарной, или, как принято говорить, статусной мебели, сидел Антон. Элегантный, стильный мужчина – крупный бизнесмен с нежной душой и твёрдой волей задумался о своём окружении.

Он поднял трубку стационарного телефона, связывающего его с секретаршей:

– Наташа... – негромко позвал он.

Буквально через несколько секунд в кабинет вошла с блокнотом и ручкой в руках молодая девушка, одетая в строгий брючный костюм, с гладко-зачёсанными, подобранными вверх волосами.

– Наташа, вы узнали, где наш главный бухгалтер? – спросил он.

– Антон Юрьевич... – не ожидая такого вопроса, Наташа опустила блокнот, отводя взгляд от шефа.

Работать с Антоном Юрьевичем ей нравилось. Она постепенно привыкла к его импозантности, и перестала смущаться при каждой встрече. Такую простоту, как у её босса и среди рабочего класса не найдёшь, и это при таких деньгах! Его деловая хваткость помогала налаживать связи в бизнесе, а врождённая интеллигентность вызывала уважение среди друзей и коллег.

– Я здесь, – напомнил он внезапно замолчавшей Наташе.

– Зинаида Витальевна... Она... в командировке, – в этот раз Наташа уставилась на его ухоженные сильные руки. На безымянном пальце правой руки красовалось необычной формы резное кольцо. Когда-то он поменяет его на обручальное, и тогда надеждам Наташи придёт крах. Если, конечно, у неё на пальчике не засверкает такое же.

– В какой командировке? – удивился босс.

Она пожала плечами, заливаясь краской:

– Понятия не имею... – и отвела глаза.

– Наташа...! – укоризненно призвал к её совести Антон Юрьевич.

Она пристыженно молчала, готовая вот-вот расплакаться:

– В бухгалтерии сказали, что она уехала в командировку по каким-то важным делам. Правда... эти дела не связаны с фирмой. Простите, Антон Юрьевич...

Он доброжелательно улыбнулся, жестом приглашая её на диван у стены кабинета, перед которым стоял кофейный столик на коротких резных ножках. Её сердце ёкнуло. Пусть так грубо, но он сделал это!

– Ведь вы не против выпить со мной кофе? – после короткой паузы объяснил он.

– Я принесу... – потупила глаза Наташа, стыдясь своих же мыслей. Это ж надо было так превратно истолковать его жест?

– Садитесь, я сам принесу. Устали сегодня? – понимающе спросил он. – Давайте по кофейку, и по домам.

Пока Нина сервировала обеденный стол, Манюня проверила кастрюли, одновременно наблюдая за каждым движением матери. Крышки, как и полагалось, были плотно закрыты, и укутаны сверху полотенцем. А вот на обеденном столе был беспорядок. Девочка перевернула вилки зубцами вверх, напомнив матери:

– Папа учил вот так!

Нина отмахнулась от дочери и тут же тыкнула на зазвонивший телефон, стоящий прямо здесь на тумбе:

– Ой, наверное, с работы – завтра же собрание! Скажи, меня нет дома! – Замахала она руками. И с какого-то перепугу успела сообщить дочери последние новости: – Я сегодня специально больничный взяла. Там у нас сокращение.

Манюня понимающе кивнула, взяла трубку и, не слушая абонента, важно поведала:

– Мамы нет дома. Она сегодня специально больничный взяла, там у вас сокращение.

На перроне вокзала возле только что прибывшего поезда была суета. Выходящие из поезда пассажиры пробирались с чемоданами в руках, стараясь поскорей выбраться из давки. Встречающие спешили им навстречу, издавая радостные вопли. А диктор, считающий себя по праву здесь самым главным, разрывал окружающее пространство своим громогласным голосом.

И в этой суете с мобильным в руках посреди перрона сто-

ял мужчина, примостив у ног два больших чемодана. Возмущённые люди, вынужденные обходить его со всех сторон, посылали в его адрес витиеватые ругательства. К нему прилипла женщина в норковой шубе и такой же шапке. Она пыталась дотянуться ухом к его мобильному, боясь пропустить хоть слово.

– Я ей сейчас устрою «нет её дома»! А ну-ка, передай трубку матери! – кричал мужчина в телефон, перекрикивая вокзальный шум.

Манюня испуганно посмотрела на трубку и передала её матери:

– Это папа... – прошептала она.

– Коля, ты уже приехал? – спросила в трубку Нина.

– Нет, остался ещё на неделю! – ухмыльнулся в ответ муж.

– Ой, как же так...? – растерялась Нина. – Ведь... ужин остывает.

– Какой ужин?

– Горячий... как ты любишь, – бросив взгляд на укутанные полотенцем кастрюли, почему-то испуганно ответила Нина.

– Горячий! – не без хвастовства подчеркнул Николай, зная, что женщина в норковой шубе слышит их разговор и сразу давая понять ей свои привычки.

Та вплотную придвинулась к нему, ухом прилепившись к телефону. Чего он ждёт? Почему сразу не скажет? – не понимала она, нетерпеливо тряся Коленку за рукав. Тот пере-

ложил мобильный в другую руку и спросил Нину:

– А про какой это больничный Машка говорила? Ты что ещё придумала?! А ну, марш завтра на работу!

– Понимаешь, у нас сокращение. Если я буду на больничном, то меня не тронут. Не имеют права! – объяснила ему Нина.

– Какое ещё сокращение?! – не на шутку разозлился Николай. – Ты об этом забудь! У тебя ребёнок. Чем ты его кормить собираешься?! Размечталась она – сокращение...

– Но... это же не от меня зависит. Я наоборот стараюсь. Вот, больничный взяла...

– Стараешься? – ухмыльнулся Николай. – Это хорошо. Значит, за Машку можно не беспокоиться – прокормишь.

Он свободной рукой с трудом сдерживал порывы женщины, которая норовила выхватить у него мобильный:

– Дай мне! Дай я скажу! Что ты мурчишь?! – раздражалась та.

Этот звонок был полной неожиданностью для Нины. Обычно после командировки, муж сразу с вокзала ехал домой, где, приняв ванну, ужинал вместе с семьёй. Боясь спросить лишнего, она так и не смогла понять, где сейчас находится муж. И просто предложила:

– Коля, ну что мы по телефону? Приедешь – дома поговорим.

Женщина в норковой шубе испугалась, что её котик передумает или дрогнет перед женой, дочерью, и уже неистово

завопила:

– Скажи ей, скажи!

Николай отмахнулся от неё, прикрывая динамик мобильного:

– Да скажу, скажу! – И, решившись, грозно, как будто нападая, резанул в трубку: – А вот не поговорим!

– Почему? Что случилось? – испугалась Нина.

– А я там больше не живу! – решил идти до конца Николай.

– Где... больше не живёшь...?

– Правильней будет сказать – с кем. С тобой больше не живу. На развод я сам подам. Квартира пусть тебе остаётся. Всё равно Машку тебе оставят. Да я на неё и не претендую, – ты, вроде как, неплохая мать. – он отнял телефон от уха и внимательно посмотрел на неожиданно замолчавший мобильник.

– Что, что она?! – исходила пеной женщина в шубе.

– Что, что?! Я её правильно воспитал, – ответил он ей, опять прикрывая динамик телефона. – Жена должна слушаться своего мужа. Вот так-то, Зинаида!

– Пока ещё мужа! – исправила его Зинаида.

– Значит так... – вернулся он к разговору с Ниной, расписывая её будущую жизнь без него.

Нина больше не слушала, что говорил муж. Сидя за столом, она положила голову на руки и беззвучно заплакала. Её плечи мелко подрагивали, в голове всё смешалось. Манюня

подошла к матери обнять, но заметила лежащую возле телефона трубку. Она знала, что там отец и, взяв трубку, тихо сказала:

– Папа, мама плачет...

Но, похоже, тот не слышал её, упиваясь собственной смелостью. Не каждый мужчина может вот так в раз обрубить годами нажитую семейную жизнь:

– Если, что не так – прости... – услышала Манюня его голос в трубке, – ... но, жизнь есть жизнь. Так что, у меня теперь другая семья. А вы с Машкой, как-то там без меня... В общем, разберётесь.

Манюня растеряно посмотрела на мать и в ее детских больших глазах отразилось непонимание и боль. Губы стали подрагивать, и пока папа не услышал, как она плачет, девочка положила трубку.

Живя за мужем, Нина испытала всё – страх, подчинение, безропотность... Она не смела потратить копейки, не спрося мужа; она не могла выбрать себе платье, не получив его одобрения; она не знала, что такое свобода и считала это закономерным. Но, чего ей никогда не приходилось испытывать – это депрессии. Она только сейчас узнала значение этого слова. И узнала она его сполна!

Внезапная свобода оказалась ей не по зубам. Как выяснилось, Нина была совершенно неприспособленной к жизни. В довершение ко всем бедам, в архитектурном, где она считалась довольно грамотным архитектором, прошла волна со-

кращений. И Нина одной из первых попала в это течение, которое подхватило бедную женщину и вынесло напрямиком на улицу.

Манюня понимала, что в её семье произошли перемены. Судя по слезам матери, эти перемены доставили ей много боли. Чего совсем не скажешь о Манюне! Но как объяснить маме, что теперь можно всё? Холодные котлеты, перевёрнутые вилки, много сладостей, от которых, оказывается, совсем не портятся зубы! Правда, деньги были на исходе... Но скоро Новый Год, а значит Дед Мороз поделится с ними содержимым своего мешка. А если его хорошо попросить, нужная сумма денег у него тоже найдётся. Манюня знала – он совсем не жадный.

Поняв, что слезами горю не поможешь, Нина заставила себя подняться с помятой, политой слезами постели и отправиться искать работу. Архитекторы, как она и предполагала, сейчас были не в моде. И на своей профессии пришлось поставить крест. В бюро технической инвентаризации было тоже не попасть. Нина попробовала в школу учителем черчения, но и там все места были заняты. Ей оставалось лишь купить газету, и первое, на что она наткнулось, было агентство трудоустройства в семьях. Созвонившись, она отправилась на собеседование.

Казус произошёл сразу же, едва она переступила порог. Не справившись с массивной дверью, та нещадно хлопнула,

привлекая внимание посетителей кабинета и заставив Нину втянуть голову в плечи. Она наткнулась на уничтожающий взгляд, стоящей возле неё дородной дамы, и почему-то попросила у неё прощение. В ответ получив лишь высокомерный взгляд.

Агентша подала ей знак, и Нина прошла к её столику. Но здесь она себя почувствовала ещё хуже. Узнав, что Нина не педагог, не повар и вообще не имеет опыт работы в семьях, та сначала убила её взглядом, а потом решила оживить:

– Ну вы сильно не расстраивайтесь, такие, как вы у нас тоже иногда устраиваются. – И всунула ей анкету: – заполняйте.

Свободное место нашлось только по соседству с дородной дамой. Нина изучила вопросы анкеты, заполнила и рискнула:

– Простите. А у вас есть опыт работы в семьях? – спросила она свою соседку.

– Есть! – Важно ответила дама. – А у вас, я так понимаю, нет?!

– У меня нет, – призналась Нина.

Дородную даму забила дрожь, как будто она попала под электрический дождь:

– Вот только не думайте, что работа в семье – это мёд! – стала она пугать Нину. – Они – эти чертовы хозяева, приходят домой постоянно недовольные, постоянно злые! А мы, вроде уже, как свои – домашние. Вот на нас всё и летит!

– Ну, не все же такие... – и вправду испугалась Нина.

– Все! Все, без исключения! Вон любую спроси! – обвела она взглядом женщин в кабинете.

Нина забрала заполненную анкету и снова перебралась за стол к агентше. Та изучила её данные:

– Смотрю, высшее образование у вас? – И только воспрявшая духом Нина хотела ответить, как агентша оборвала ещё не начатый разговор: – Кому оно надо сейчас ваше высшее образование?!

– Но...

– Что «но»? Идите тогда устраивайтесь согласно вашему высшему образованию!

– Я пробовала... искала... Нигде нет мест...

– Вот и не надо тогда про ваше образование! – поставила она точку. И, заметив, что клиентка совсем сникла, ободряюще перешла на «ты»: – Если уборка будет – предлагать? Как ты, согласна на уборку?

– Да уж, выбирать не приходится, – пытаюсь сдержать вздох, согласилась Нина: – Домработницей, так домработницей...

– Сейчас это «горничная» называется, – поправила агентша.

То ли Нина устала от этого кабинета, то ли вообще от жизни, но последняя фраза придала ей сил:

– Правда? – облегчённо вздохнула она, прижав руки к груди.

Уже возле выхода она вспомнила, что не выяснила глав-

ного. И с виноватой улыбкой возвратилась к столу:

– Я забыла спросить. А когда приступать?

Агентша подкатила глаза, но тут же надела дежурную улыбку:

– Пока ничего нет. Если, что будет – я позвоню.

Кухня, да и вся квартира Зинаиды была не под стать маленькой двухкомнатной квартирке, где Николай ютился с женой и дочкой. С уходом от жены, его жизнь окрасилась в цветные краски. Здесь его любили, холили, лелеяли, в общем, откармливали – как самца перед убоим.

Сидя за кухонной стойкой, он наблюдал за Зинаидой. Это был тот редкий случай, когда она стояла у плиты. Ресторанная кухня хоть и вкусная, но домашняя куда питательней, и настал день, когда Коленька запросил домашних отбивных.

– Мой котик руки помыл? – мяукнула ему Зинаида, переворачивая отбивную.

Аромат жареного мяса заполонил кухню, сводя мужчину с ума. Он в предвкушении потянул аромат и замурчал в ответ:

– Твой котик готов.

Его мурчание оторвало женщины от плиты и, бросив отбивные, та подошла к нему, обняв сзади:

– Готов...? Так может ну его – это мясо?

«Домурчался?!» – рассердился он на самого себя, снимая со своей шеи её руки:

– Иди к плите – сгорит!

– Хорошо, хорошо, – совсем не обиделась женщина. – Сначала мясо, а потом...

Манюня-потрошительница

Ближе к вечеру Нина кинулась, что в доме нет хлеба. Картошка была тоже на исходе. Да и томата на борщ прикупить не помешает. Она приподняла в комодке третье сверху полотенце, достала оттуда завёрнутые в бумагу деньги – пересчитала. Переложила несколько купюр в кошелёк и уже одетая в пальто, опять-таки вернулась к комоду. Забрала оттуда ещё пару купюр и живо, пока здравый смысл ей не изменил, отправила последние две бумажки под полотенце.

Как только мать одетая в пальто появилась на пороге её комнаты, Манюня сразу поняла, что замышляется шопинг.

– Манюньчик, посмотри пока мультики. Я скоро! В магазин сбегая – хлеба куплю, картошки...

Так и есть – девочка не ошиблась. Она подхватила с места и устремила к матери, заглядывая в глаза проникновенным взглядом, которому Нина не могла отказать:

– Можно и я с тобой? Я ничего просить не буду. Ничего-ничего! Разве только чупа-чупс...

Хлебный киоск находился недалеко от их двора. Это было удобно – обычно по вечерам, возвращавшиеся с работы люди заходили туда за хлебом. Пока Нина стояла в небольшой очереди, Манюня поедала глазами выложенные за стеклянными стенами киоска сладости. Не каждая мать выдержит

такой взгляд, и Нина заказала в окошко:

– Мне, пожалуйста, нарезной батон, орешки, кукурузные палочки – вон ту большую пачку... – выбрала она самую объёмную, – ... шоколадный батончик и вишнёвый рулет. – И в этот миг её переполненные болью глаза повеселели. Она кинула в маленький пакет батон. Остальные же продукты она сложила в большой пакет и, отойдя от киоска, распахнула его перед Манюней: – Смотри, это тебе!

Девочка, ахнув, нырнула в него, покопалась там и, выныривая, пожурила мать:

– Мамочка, не надо было! Ты потратила на меня столько денег!

«Видимо, это деньги стоило потратить. Не каждая дочь может быть такой экономной», – вытерла благодарную слезу Нина. А вслух сказала:

– Спасибо, что ты у меня такая.

Они взялись за руки и отправились в магазин за томатной пастой. Там в бакалейном отделе Нина, предварительно оглядевшись по сторонам, наклонилась к продавщице:

– А вы не знаете, если не добавлять томатную пасту, а только томатный сок, борщ получится?

– А почему не добавлять?! – раскатисто отозвалась продавщица: – Купите пасту и всё получится. Вон у нас какой выбор! Даже морс есть! – показала она полки с заготовками. – Что давать?

– Да ладно, ладно, пока не надо... Я... в следующий раз

куплю.

Она не успела отойти от кассы, как услышала голос всё той же продавщицы:

– Да, кому-то всё, а кому-то и борща сварить не за что!

От стыда Нина не знала, куда деваться. Начавшие подходить покупатели слышали, но не могли понять, к кому относилась реплика. И Нина, чтобы отвести от себя подозрения, навскидку оценила каждого, дескать кому из них «борща сварить не на что?». Стараясь быстрее покинуть магазин, она наткнулась на Манюню. Девочка стояла чуть поодаль в этом же отделе, не сводя голодного взгляда с пачек с соками. Нина решительно возвратилась к продавщице:

– Виноградный сок, пожалуйста. – Манюня, искоса наблюдая за заказом матери, не двинулась с места. – И апельсиновый ещё дайте, – попросила Нина.

– Какую пачку? Маленькую? – проявила понимание продавщица.

Почему-то с закипающей злостью, глядя на Манюню, Нина ответила:

– Нет, самую большую!

Они вышли из магазина и направились домой. Манюня была в восторге от сегодняшних покупок и не могла умолчать:

– Спасибо, мамочка. Но... не надо было тратить на меня денежки. Я ведь ничего не просила...

– Ничего, доченька, разбогатеет. Вот устроюсь на рабо-

ту, – нежно ответила мать. И вдруг остановилась: – Ой, Манюня, а картошку-то мы забыли купить!

Возвращаться в тот магазин Нине не хотелось, и она решила сделать небольшой крюк, зайдя в овощной. Там была очередь, практически, во всех отделах. Нина стала в одну из очередей и тут же схватила дочь за руку:

– Стой! Куда направилась?!

– Я пойду посмотрю, как дядя бананчики покупает, – жалостливо ответила дочь, показывая на соседний отдел.

Нина не стала её задерживать – пусть идёт, из магазина никуда не денется. Подошла очередь, она сделала покупку и с двумя полными пакетами, пошла искать Манюню.

Обнаружила она её стоящую посреди магазина. С опущенными плечами и болтающимися вдоль туловища руками, Манюня голодным, тоскливым взглядом уставилась на мужчину, который складывал в пакет бананы. Своим жалким видом она привлекала внимание покупателей. Те уже начали собираться кучками, решая, что делать с брошенной сиротой.

Сгорая от стыда, Нина схватила дочь за руку и потянула из магазина:

– Пойдём! Быстро пойдём отсюда!

– Мамочка... подожди... – отрешённо возвала дочь, перехватывая взглядом пакет с бананами в руках у мужчины.

Покупатели по-прежнему поглядывали на девочку и, Нина, пытаясь изобразить улыбку, которая у неё получилась

кислой и неестественной, открыла перед дочерью пакет:

– Я купила тебе бананчики. – Но тут улыбка сорвалась с лица, и голос получился каким-то злобно-ехидным: – Два кэ-гэ!

Манюня глупо заулыбалась:

– Ой, мамочка, зачем ты опять потратила денежки?! Я бы только посмотрела...

Нина крепко ухватила дочь, таща из магазина.

Аппетитная, поджаренная отбивная превратила Николая в кота, которому подносят сметану. Он потёр руки, вооружился приборами и приступил к действию. Покорительница кухни – Зинаида, заняла своё место за столом напротив Николая. И, не прикасаясь к приборам, ждала его вердикта.

Вкусной и аппетитной отбивная оказалась только сверху. Стоило Коленке прикоснуться к ней ножом, как из мяса брызнула кровь. Он слышал про тех, кто любит мясо с кровью, но себя к ним не относил – и гордился этим. «Кровожадность не присуща котам» – знал он. Кончаясь от голода, он в сердцах подцепил отбивную вилкой, и та, ненароком спав, улетела на пол.

Зинаида вскипела:

– Ты... Ты... – знатная кулинарка не могла подобрать слов, чтобы выразить свой гнев.

– Да я, я! Я – мужик, я хочу мяса! – вздумал удивить он Зинаиду.

– А это что по-твоему?

– Ты не поняла, я не хочу крови, я хочу мяса! Я не знаю, как это едят, просто не умею!

Есть отбивные Зинаида умела. Она подняла отбивную с пола, кинула обратно в его тарелку и самолично попыталась разрезать ножом. Из прожилок просочилась кровь, набегая в тарелку. Николай брезгливо наблюдал за её потугами, пока та, под его взглядом ни кинула нож и вилку:

– Что уставился, интеллигент хренов?! – и Зинаида, хватая руками отбивную, стала рвать зубами резиновое мясо.

Николай, околдованный этой вампирской сценой, уставился на женщину, широко выкатив глаза. Потом зычно плюнул и пошёл к выходу. Там он на мгновение задержался, раздумывая – может, и не в отбивной счастье-то? По большому счёту Зинаида была неплохой бабой, а главное, удобной для него во всех отношениях. Он оглянулся и тут же в ужасе отшатнулся – её губы и пальцы, которыми она пыталась его остановить, были в крови.

– Ой, мать моя! Фильм ужасов какой-то! – И он ушёл, громко хлопнув дверью.

Вытаскивая Манюню из магазина, Нина наткнулась на новое препятствие. Выход проходил через холл, где, как на зло, продавали мороженое. «И кто его только ест в такой мороз?» – удивилась Нина. Но Манюня думала иначе, и призывный глас продавщицы не остался без ответа:

– Какое у вас мороженое? – крикнула девочка, удерживаемая матерью за руку.

– Ванильное, клубничное, шоколадное... – стала перечислять мороженщица.

И надо ж было случиться, чтобы именно в этот момент к ней подошёл мальчик и заказал шоколадное мороженое. Нина, понимая, чем может кончиться дело, решительно потянула дочь за руку. Но та, ничего не требуя, просто попросила:

– Мамочка, ты иди, иди... я тебя догоню. Я только посмотрю, как мальчик будет мороженое кушать и...

В этот момент Нина узнала, как бьёт нервная дрожь. Она, с трудом сдерживая себя, ядовито зашипела:

– Что ж, смотри, смотри! Только внимательно смотри, ничего не пропусти. Как он его разворачивает, как лижет, как проглатывает... – Она бросила руку дочери, и вся трясаясь от злости, выскочила из магазина.

Продавщица бросила ей вдогонку пару осуждающих фраз и протянула Манюне мороженое:

– Бедная девочка! На, бери, бери, я угощаю.

Мороз пробирал до костей. Поставив в гараже свою синюю BMW, Антон направился к дому в расстёгнутом нарасташку пальто, прочувствовав на собственной шкуре какими лютыми случаются декабрьские морозы.

В холле его встретил управляющий и потянулся за пальто:
– Добрый вечер, Антон Юрьевич.

– Добрый – Аркадий Львович. – Отдал ему пальто Антон. – Как дела?

– Потихоньку, Антон Юрьевич, потихоньку. Я это... – замялся мужчина, – спросить хотел...

– Надо что-то? – С готовностью отозвался Антон. – Вы говорите, не стесняйтесь. Чем сможем – поможем.

– Да я уже как-то говорил вам... Каникулы зимние у внушки подходят. Так вот, дети просят, чтобы я с ней полетел. Говорят, отдохнёшь, мир посмотришь...

– Помню-помню, был такой разговор. Ну, обещал, надо выполнять. Билеты уже купили?

– Да какие билеты?! До каникул еще недели три. Это я так, чтобы наверняка знать, на что можно рассчитывать, на что нет. В жизни всё согласовывать надо. А то вдруг я вам здесь нужен.

– Конструктивный вы человек, Аркадий Львович. За это вас и ценю. – Пожал он руку управляющему. И спросил: – Марина дома?

Аркадий Львович сразу посмурнел, хоть и постарался не подать виду:

– Дома, дома она. Она сейчас в...

Но Антон перебил:

– Не надо, я сам, – и он отправился по огромному дому искать Марину.

Оставшись один, Аркадий Львович отнёс в гардеробную хозяйское пальто, бурча себе под нос:

– Что её искать-то? Она всегда в одном месте. Как будто век не мылась.

Плавая в бассейне с тёплой водой, Марина, завидя Антона, протянула к нему руки:

– Ну, наконец-то, милый! Иди ко мне...

После мороза он с радостью снял с себя одежду и присоединился к девушке. Тёплая вода и её горячее тело согрели его своим теплом. Красивая, нежная Марина прижалась к нему, охватив руками шею. Она двигалась волнообразными движениями, не касаясь дна, напоминая русалку. Время от времени над поверхностью воды показывались её груди, маля его розовыми ягодками, которые он попытался поймать ртом. Не выдержав, он прижал её к себе силой, приподнял над водой и, нежно поцеловав по очереди обе ягодки, впился в них губами. Она издала слабый стон и почувствовала, как её подняли сильные мужские руки и приставили к стене. Она с желанием обвила его бёдра своими ногами и чувствуя, как он аккуратно поддерживает её спину, отдалась его страсти.

После секса Марина любила фрукты, и Антон знал это. На кофейном столике в вазе лежали цитрусовые, которые она предпочитала любым заморским плодам. Он очистил для неё апельсин, себе же налил травяного чая и сел рядом с ней. Обёрнутые в простыни в спокойном домашнем уюте они чувствовали себя счастливыми.

Марина взяла его руку, погладила ухоженные пальцы и подобралась к кольцу. Царапая кольцо ноготком, она заме-

тила:

– Хорошо с тобой, уютно, даже отпускать не хочется.

– А я никуда не уйду. Вот, весь твой, – поцеловал он её пальчики.

– Мой, да не мой. Ни муж, ни жених... Живу у тебя, как...

– подступила она к самому главному.

– А, ты об этом? – удивился Антон. – Так это всего дело времени. А хочешь, я тебе прямо сейчас предложение сделаю?!

От неожиданности Марина захлопала накладными ресницами:

– Фантастично!

Он встал перед ней на одно колено, поддерживая простыню, чтобы та не соскочила на пол и торжественно произнёс:

– Милая, самая замечательная, нежная, самая-самая любимая! Прошу тебя, стань моей... – Он запнулся, обдумывая пришедшую мысль. – Ой, подожди, надо же...! – Считая, что в таких случаях без кольца не обойтись, он сорвал со своего пальца кольцо и надел на палец Марины: – Милая Мариночка, прошу тебя стать...

На её тонком пальчике кольцо болталось, как карандаш в стакане. Он прыснул от смеха и возвратил кольцо на свой палец.

– Что случилось? Ты передумал? – нахмурилась Марина. Он встал с колен и погрузился в своё кресло:

– Нет, привык, чтобы всё по-человечески было. Давай от-

ложим это на несколько дней, а к Новому Году всё узаконим.

– К Новому Году? – задумалась Марина. И снова нахмурилась: – Не оригинально! Говорят, в ЗАГСе ждать заставляют, чтобы чувства проверить или что-то в этом роде...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.